

The background of the cover is a detailed illustration. In the foreground, a large terracotta pot filled with dark soil sits on a bed of green leaves and several bright pink flowers. A small wooden sign is stuck in the soil, reading 'Смена не окончена'. Behind the pot is a green wooden door with a brass handle, slightly ajar, revealing a glimpse of a greenhouse interior with plants and a hanging lamp. To the right, a path leads towards a large, multi-story house with a cross on its roof, set against a twilight sky with soft purple and orange hues.

Виктор Алеветдинов
Виктория Ончукова

Тепличное дело

Следствие ведут духи

Книга 7

Уютный мистический детектив

Виктор Алеветдинов

**Книга 7. Следствие ведут
духи. Тепличное дело**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Книга 7. Следствие ведут духи. Тепличное дело /
В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Вера приезжает в деревню за тишиной, но вместо отдыха получает ящик цикламенов, оформленный на чужую ночную смену. На табличках — имена работников пансиона «Тихая смена». Один горшок пуст, а на нём имя Галины Петровой, умершей месяц назад, и надпись: «Смена не окончена». Попытка вернуть странную посылку превращает Веру во временную сотрудницу теплицы: приложение назначает ей ночной полив, ведёт по закрытым служебным маршрутам и упорно не позволяет завершить смену. Вместе с Олесей и Настасьей Петровной она начинает проверять графики, лекарства и исчезающие документы. Но чем ближе разгадка, тем труднее отделить заботу от контроля, ошибку — от сокрытия, а защиту людей — от спасения репутации. Уютный мистический детектив о чужой работе, которую удобно не замечать, и правде, после которой всё уже не может оставаться по-прежнему.

Содержание

Глава 1. Ящик для ночной смены	5
Глава 2. Ответственная за полив	12
Глава 3. Экскурсия по безупречности	17
Глава 4. Женщина, которая не жаловалась	23
Глава 5. Имя на пустой табличке	29
Глава 6. Дом на несколько часов	35
Глава 7. Семена по датам	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Виктория Ончукова, Виктор Алеветдинов

Книга 7. Следствие ведут духи. Тепличное дело

Глава 1. Ящик для ночной смены

Курьер приехал через двадцать минут после меня и испортил мой план на спокойное лето. Я ещё не успела открыть окна в домике и проверить, не присвоили ли мыши письменный стол, когда у калитки коротко посигналили.

Во двор въехал белый фургон. Водитель остановился поперёк дорожки, открыл задние двери и спросил:

— Ночная смена здесь?

Я стояла на крыльце с ключом в руке. Настасья Петровна вышла из главного дома, вытирая ладони о передник. Она посмотрела на фургон, потом на меня, словно я могла привезти из города не только сумку, но и ночную смену.

— Здесь по ночам спят, — сказала она. — Иногда коза не спит, но её на работу не принимали.

Курьер заглянул в телефон.

— Доставка для ответственной за ночную смену. Настасья Петровна.

— Имя моё, должность чужая.

— Значит, вам.

— Значит, ошибка.

Он вздохнул и выдвинул из кузова большой пластиковый ящик. Над его краями поднимались листья и яркие цветы.

Внутри стояли цикламены. В конце июля они выглядели так, словно зима перепутала адрес и решила переждать жару в нашем дворе.

— Цветы ваши? — спросил курьер.

— Впервые вижу.

— Тогда распишитесь, что получили.

— Я чужую работу вместе с цветами не принимаю.

Водитель показал экран. Адрес был наш, имя тоже. Отправитель скрывался за номером заказа.

— Возврат без подписи оформить не могу, — сказал он.

— А с подписью?

— С подписью это уже не возврат.

Настасья Петровна прищурилась.

— Вы хотите, чтобы я приняла чужую ночную смену, потому что вашей программе так удобнее?

— Я хочу закрыть заказ.

— А я хочу открыть калитку. Вы её машиной закрыли.

Он обернулся, но переставлять фургон не стал. Вместо этого достал смятую накладную. В графе получателя стояло имя Настасьи Петровны, ниже было напечатано: «Ответственная за полив. Ночная смена». Дальше шёл внутренний номер заказа.

— За полив я отвечаю у себя, — сказала она. — И ночью растения не мучаю.

— По списку восемь горшков и один пустой. Ещё девять табличек.

— Пустой горшок зачем? — спросила я.

— Я доставляю. Зачем — это к заказчику.

— А заказчик кто?

— Мне не видно. Заказ внутренний.

В системе был номер заказа, но имя заказчика не отображалось.

Из дома через улицу вышла Олеся. На одном виске у неё осталась серебристая пудра. Видимо, клиентка в салоне пережидала наш двор в самом ответственном состоянии.

— Я услышала сигнал и голос Настасьи Петровны, — сказала Олеся. — Такое сочетание редко обещает обычную посылку.

— Нам прислали работу, — ответила я.

Олеся прочитала накладную.

— Ночная смена? С повышением вас.

— Откажусь.

— Не торопитесь. Может, доплата.

— Там цветы.

— Тогда точно обман.

Курьер с надеждой спросил:

— Вы родственница?

— Через улицу.

— Можете принять?

— Через улицу — это не доверенность.

Пока мы спорили, коза вышла из тени сарая и направилась к ящику. Я попыталась её отвести, но она сунула морду между горшками и ухватила белую пластиковую табличку. Та зацепилась за край, выскочила из земли и упала на ступеньку.

Настасья Петровна подняла её. Чёрным маркером было написано: «Тамара Зуева».

— Это сорт? — спросил курьер.

— Если сорт, то с трудовой книжкой, — ответила Олеся.

Я раздвинула листья. На других табличках тоже были имена. Ближайшая сообщала: «Светлана Руднева». На следующей значилось: «Марина Крылова».

— Остальные не вытаскивай, — сказала Настасья Петровна. — Сначала зафиксируй порядок.

Я достала телефон и сфотографировала ящик.

Курьер переступил с ноги на ногу.

— Разгружать?

— Нет, — сказала Настасья Петровна.

— Да, — одновременно сказала я.

Она повернулась ко мне.

— В машине цветы сварятся. Примем на хранение, а в накладной напишем, что доставка ошибочная.

— В приложении такого поля нет, — возразил водитель.

— На бумаге место есть.

Жара помогла ему согласиться: края нескольких листьев уже опустились. Настасья Петровна крупно написала на накладной: «Получено временно без признания заказа. Должность ошибочная» — и расписалась.

— Мне теперь объяснительную писать, — сказал курьер.

— Напишите правду, — посоветовала Олеся. — Она иногда помещается в одно поле.

Мы перенесли ящик на крыльцо. Водитель уехал так быстро, словно опасался, что его назначат ответственным за козу. Калитка осталась открытой, за ней пустела раскалённая дорога.

Я сняла номер заказа и каждую табличку на месте. Восьмой горшок стоял в дальнем углу. Под листьями было имя: «Елена Волкова».

Девятый горшок оказался пустым. Влажная земля сохранила форму у стенок, а табличка лежала обратной стороной вверх. Я перевернула её. На одной стороне было написано имя Галины. На другой — «Смена не окончена».

Олеся перестала улыбаться.

— Галину Петрову я знала, — сказала она. — Она умерла месяц назад.

Настасья Петровна взяла пустой горшок, посмотрела на землю и вернула его в ящик.

— Сначала уберём цветы с жары. Потом решим, где ошибка, а где чужая дурь.

Мы втроём перенесли ящик с горшками в прохладные сени главного дома. Цикламены стояли там яркими пятнами и выглядели ещё более неуместно.

Ящик оказался тяжелее, чем выглядел. Вода плеснула из одного поддона на мои босоножки, Олеся едва не прижала дверью собственную руку, а коза решила, что ей наконец разрешили участвовать официально.

— Отведи её, — сказала Настасья Петровна.

— Она меня не слушает.

— Тогда говори как ответственный сотрудник.

Я повернулась к козе.

— Ваша смена окончена.

Коза посмотрела на меня, откусила ещё один край листа и ушла к сараю. Олеся, которая несла свой край ящика, начала смеяться и чуть не опустила его мне на ногу.

— Очень авторитетно, — сказала она. — Видно городскую подготовку.

— В городе коз меньше.

— Поэтому вы там и не умеете с ними разговаривать.

Ящик мы всё же донесли без потерь. Настасья Петровна пересчитала горшки у порога, затем ещё раз на столике. Пустой поставила отдельно, но не дальше вытянутой руки, чтобы он оставался в общем порядке.

Настасья Петровна велела ставить растения на старый столик по одному. Я сохраняла порядок, Олеся записывала имена на обороте рекламного листка из салона.

— Тамара Зуева, — прочитала она. — Работает в пансионе. Весной просила стрижку, которую не надо укладывать, потому что ей некогда.

— Это ничего не доказывает, — сказала я.

— Конечно. Но работа у неё настоящая.

Следующей была Светлана Руднева. Её Олеся тоже знала: Светлана привозила в деревню тётку и однажды опоздала забрать её из-за смены.

— Пансион на старой санаторной дороге, — пояснила Олеся. — «Тихая смена».

— Название подходящее, — сказала я. — Особенно если смены продолжаются после смерти.

Настасья Петровна посмотрела на меня.

— У нас пока есть цветы, имена и чужая накладная. Остальное не придумывай.

Она проверила землю, приподняла первый горшок и заглянула в отверстия снизу. Потом осторожно освободила край корневого кома.

— Земля прохладная, — сказала она.

— Здесь тоже прохладно.

— Не настолько.

Корни были светлые, без гнили. Вода в поддоне не стояла.

— Их готовили заранее, — продолжила Настасья Петровна. — Им обеспечивали нужную температуру, потом вывели на цветение. В обычном деревенском хозяйстве сейчас так не получится.

— Значит, профессиональная теплица, — сказала я.

— Скорее всего. Сначала найдём подтверждение.

Олеся присела рядом.

— У «Тихой смены» есть большая теплица. В районной группе показывали. Постояльцы держат лейки, директор улыбается.

— А поливает потом кто? — спросила я.

— Этого в ролик не взяли.

Настасья Петровна осмотрела пустой горшок.

— Растение вынули недавно. В земле остался след корней.

— Или хотели посадить позже.

— Тогда стенки были бы рыхлее.

Олеся прочитала остальные имена. Два ей ничего не сказали, а Елену Волкову она узнала сразу.

— Директор пансиона.

— Она тоже работала с цветами? — спросила я.

— Перед камерой директор работает со всем, что хорошо выглядит.

— А Галина?

Олеся положила листок.

— Жила на соседней улице, ближе к старой дороге. Работала санитаркой в пансионе, но теплицей во многом занималась она. Из сломанного черенка могла вырастить нормальный куст. В салон приходила два раза и оба раза просила быстрее, потому что её вызывали.

— В выходной?

— Один раз точно. Она смеялась, что выходной у неё только на бумаге, а бумага домой не звонит.

Надписи были сделаны одним чёрным маркером. Имена на всех табличках были написаны крупно и полностью, буквы легко читались. Только на табличке Галины фразу написали с большим нажимом: под последним словом пластик был продавлен.

— Один человек подписывал? — спросила я.

Настасья Петровна положила рядом две таблички.

— Похоже. Но почерк по пластмассе мы определять не будем. Рука могла дрогнуть, маркер мог быть другой.

— А фраза?

— Фраза есть. Всё остальное пока наши догадки.

Олеся прочитала её ещё раз, уже без улыбки, и положила табличку рядом с пустым горшком.

— Галина чужую работу не бросала, — сказала она. — Если обещала полить, приезжала даже с температурой. За это её хвалили те, кому не приходилось приезжать вместо неё.

— Она жаловалась? — спросила я.

— Нет. Отшучивалась. Иногда это хуже жалобы: все смеются и считают, что помощь не нужна.

Настасья Петровна ничего не добавила. Она поправила поддон под горшком и продолжила осмотр.

— Когда? — спросила она.

— Весной. Я посмотрю по ежедневнику.

Таблички я сложила в бумажный пакет, написала сверху время и положила его на полку у закрытого окна.

— Чтобы потом не обвинять ветер, — сказала Настасья Петровна и проверила защёлку.

— Ветер через закрытое окно был бы слабой версией.

— У тебя слабые версии иногда живут дольше сильных.

Олеся засмеялась.

— Вера ещё сумку не разобрала, а уже получила замечание по расследованию.

— Никакого расследования нет. Завтра вернём ящик и забудем.

— Ты сфотографировала землю с четырёх сторон.

— Для возврата.

— И номер машины курьера.

Я посмотрела на экран. Номер действительно попал в кадр.

— Случайно.

— Разумеется. Ещё случайно заведёшь тетрадь.

Настасья Петровна вынесла пустой ящик на крыльцо и стала осматривать дно. Под транспортной наклейкой обнаружилась небольшая бирка. На ней было напечатано: «ТС-Т», ниже стояли сегодняшняя дата и время — шесть сорок утра.

— «Тихая смена», теплица, — сказала Олеся. — Или товарищество сердитых тёток, но первое вероятнее.

— Почему теплица? — спросила я.

Олеся нашла страницу пансиона. На старой фотографии с рассадой была такая же бирка.

Теперь происхождение растений стало почти ясным. Утром их отгрузили из теплицы пансиона, а через несколько часов доставили во двор Настасьи Петровны как имущество ночной смены.

Я позвонила в «Тихую смену». Женщина на том конце сообщила, что возвраты принимают по будням до шестнадцати.

— Сегодня будний день, — сказала я.

— Приём уже завершён. Ответственный сотрудник занят.

— Ночной сменой?

В трубке помолчали.

— Назовите номер заказа.

Я продиктовала. Женщина попросила подождать. Вместо музыки шло шуршание, затем связь оборвалась. На повторный звонок никто не ответил.

Затем я набрала номер курьера из сообщения о доставке. Ответил автомат и предложил оценить качество услуги. После трёх попыток я поставила сервису единицу. Оценку он принимал быстрее, чем заявление об ошибочной доставке.

Через минуту пришло уведомление: «Спасибо, ваше мнение помогает нам становиться лучше».

— Уже помогло? — спросила Олеся.

— Пока только мне стало неловко.

— Значит, сервис работает.

— Очень вежливо, — сказала Олеся. — Сначала вернули нам цветы, потом вернули тишину.

Настасья Петровна забрала накладную.

— Утром поедem сами.

— Мы?

— Ты хотела вернуть ящик. Я должна снять с себя должность. Олеся знает дорогу.

— Я работаю до десяти, — сказала Олеся. — Потом свободна до обеда, если мои клиентки не решат срочно изменить жизнь через цвет волос.

— Значит, после десяти, — решила Настасья Петровна.

Я не стала напоминать, что приехала из города ради тишины и сна. Рядом с табличкой умершей женщины этот план звучал несерьёзно.

До вечера я занималась домиком. Открыла ставни, вытряхнула половик, разобрала сумку. На письменном столе лежала старая тетрадь. Я положила рядом телефон и решила ничего не записывать. Через пять минут тетрадь была открыта.

Я переписала данные с накладной и бирки. Потом добавила имена. Возле Галины Петровой поставила вопросительный знак и сразу зачеркнула: он выглядел так, словно сомнение относилось к ней самой.

Олеся заглянула в домик и осталась на пороге.

— Нашла в ежедневнике. Галина приходила двенадцатого мая и второго июня. Второго июня у неё был выходной. Она показывала график и ругалась, что её вызывают поливать.

— Почему запомнила?

— Я предложила перенести запись, а она сказала: «Если переносить всё из-за их смен, я облысею раньше, чем подстригусь».

Я записала даты.

— Её смерть была связана с работой?

Улыбка ушла с лица Олеси.

— Говорили, сердце. Умерла ночью после смены. Дочь живёт в районном центре и не любит деревенские обсуждения. Правильно делает.

— А надпись на табличке?

— Могла быть чья-то гадость. После смерти Галины спорили из-за выплат. Такой фразой удобно давить на администрацию.

Версия была разумной. Она не объясняла только адрес Настасьи Петровны.

— Вечером проверим пакет, — сказала я.

— Он никуда не денется.

— Тогда завтра у нас будет одной загадкой меньше.

Олеся посмотрела на тетрадь.

— Новую, говоришь, не заведёшь?

— Эта старая.

— Тогда всё нормально. Новое дело в старой тетради не считается.

После её ухода я попыталась читать. Жара спадала, из главного дома доносился звон посуды. Я почти убедила себя, что утром мы вернём цветы, получим извинение и успеем домой до обеда.

На крыльцо Настасьи Петровны я пришла, когда солнце ушло за крыши. Она вынесла лампу. Олеся подошла через минуту с листком имён.

— Сначала проверяем обычное, — сказала Настасья Петровна. — Окно закрыто. Двери тоже.

— Коза? — спросила Олеся.

— В загоне.

— Может, научилась пользоваться ключом.

— Тогда отдам ей ночную смену.

Я сняла пакет с полки. Он был пуст.

Мы заглянули внутрь, затем Настасья Петровна направила лампу на столик. Все восемь табличек стояли в горшках. Каждая вернулась к своему растению, порядок совпадал с дневными фотографиями. Земля вокруг пластика была примята, а на полу не осталось ни крошки.

— Я их не ставила, — сказала Олеся.

— Я тоже.

Настасья Петровна ещё раз проверила защёлку. Пакет не был порван.

— Могла забыть? — спросила я.

— Могла. Но тогда вы обе забыли вместе со мной. И фотография тоже.

На дневном снимке таблички лежали в пакете, горшки стояли без них. Олеся медленно обошла стол.

— Здесь восемь. Была девятая.

Пустой горшок находился в середине, хотя днём мы оставили его у стены. В тёмной земле стояла табличка Галины Петровой. Я вынула её и перевернула.

Фраза сохранилась: «Смена не окончена». На этот раз версия о рекламной ошибке уже не годилась. Я вернула табличку в пустой горшок и закрыла тетрадь.

— Утром едем в «Тихую смену», — сказала я. — Ящик вернём после того, как нам объяснят, почему умершая женщина до сих пор числится на работе.

Глава 2. Ответственная за полив

На следующий день мы вынесли ящик к остановке за двадцать минут до автобуса. Настасья Петровна не доверяла расписанию, Олеся — автобусу, а я после вчерашнего перестала доверять табличкам.

Цикламены снова стояли на своих местах. Пустой горшок с именем Галины Петровой мы поставили в середину и накрыли картоном. В дороге я держала его на коленях, потому что в багажном отсеке он мог опрокинуться. На старой санаторной дороге автобус подбросило на выбоине, и табличка ударилась о картон.

— На месте, — сказала Олеся, заглянув под край.

— Она никуда не собиралась, — ответила Настасья Петровна. — Это мы её везём.

Пансион показался за соснами. Бывший санаторий отремонтировали: светлый фасад, новые окна, пандус у входа. Слева тянулся сад, за ним блестела крыша большой теплицы. Здание выглядело спокойно и ухоженно, без показной роскоши.

Узкий турникет на проходной для ящика не подходил. Охранник велел нести растения через служебный вход, но возврат требовал сначала зарегистрировать у него. Настасья Петровна поставила свой край ящика на пол и заметила, что вчера цветы добрались до деревни без всяких препятствий, а обратно их путь почему-то усложнился.

Охранник проверил накладную и нашёл Настасью Петровну в системе.

— Здесь вы указаны ответственной за полив.

— Я отвечаю только за свой двор.

— Ещё стоит ночная смена.

— Вот после неё и поговорим, если я до неё доживу.

За нами быстро собралась очередь. Охранник объяснил, что принять растения можно только после подтверждения транспортной бирки с телефона получателя. Получатель ничего не заказывал, но программа этого различия не учитывала.

— Переведи, — потребовала Настасья Петровна.

— Я должна отсканировать код своим телефоном.

— Почему ты?

— Потому что у меня откроется приложение.

— А у меня откроется дверь домой. Этого вашей программе мало?

Очередь начала шуметь. Я решила, что спор не приблизит нас к возврату, и отсканировала бирку. Страница возврата открылась внутри приложения доставки и запросила подтверждение номера телефона. После ввода кода на экране появилась зелёная карточка: «Временный сотрудник. Участок: теплица. Функция: полив».

На карточке имелся мой внутренний номер и серый значок пропуска. Имя и отчество страница подтянула из сохранённого профиля доставки; я их не вводила. Рядом с турникетом загорелась зелёная лампа, хотя проходить через него я не собиралась. Охранник заметил это и закрыл экран ладонью, будто лампа могла выдать его личную ошибку.

Олеся прочитала через плечо и поздравила меня с трудоустройством. Охранник назвал карточку временной технической ролью: она давала доступ только к заявке на возврат и должна была исчезнуть после её закрытия.

— Почему нельзя просто вернуть чужое? — спросила я.

— Программу не я делал.

— Но людей она нанимает при вас.

Он открыл турникет вручную и вызвал сотрудника теплицы. Пока мы ждали, под моим именем появилась новая строка: «Доступ ограничен. Смена не назначена». Настасья Петровна велела больше ничего не нажимать. Я возразила, что уже не нажимаю, но её это не успокоило.

Из боковой двери вышла женщина в медицинском костюме. На бейдже было написано: «Марина Крылова. Старшая медицинская сестра». Имя совпадало с одной из табличек.

Марина сразу посмотрела на растения, потом прочитала накладную. Она объяснила доставку ошибкой при обновлении базы: адрес мог подтянуться из старого списка, а комплект собирали для пересадки. На вопрос, какого именно списка, ответила, что логистикой не занимается.

Она попросила охранника закрыть заявку вручную. Тот показал экран: программа требовала отметку сотрудника. Марина напонила, что перед ним стоят три человека, привёзшие цветы. Охранник ответил, что программа видит не людей, а статусы.

— Очень удобная система, — сказала Олеся. — Особенно если не хочется замечать человека.

Марина попросила показать мой телефон. Увидев зелёную карточку, она нахмурилась.

— Этого не должно быть.

— Но есть.

— Профиль удалят после возврата.

— Нам это уже обещали.

Марина позвонила в администрацию и попросила пригласить директора. Рядом с проходной висел распечатанный график полива. Теплица значилась в нём в семь утра и в шесть вечера. Ночного полива в открытом графике не было. Я сфотографировала лист, не привлекая внимания.

Директор пришла через несколько минут. Елена Викторовна Волкова оказалась женщиной лет пятидесяти с короткой стрижкой. На ней было лёгкое платье, а не строгий костюм. Она прочитала накладную, извинилась за ошибку и сразу признала, что техническая запись о должности тоже не должна была появиться.

Говорила Елена спокойно, не обвиняла курьера и не пыталась сделать виноватыми нас. Она назвала меня Верой Сергеевной, хотя я ей не представлялась. На мой вопрос объяснила, что имя и отчество пришли вместе с регистрацией возврата, и пообещала проверить настройки.

— Что было в ящике? — спросила она.

— Восемь цикламенов и пустой горшок. На табличках имена ваших работников.

Марина быстро посмотрела на директора. Я сняла картон с горшка. Елена прочитала имя Галины и перевернула табличку. На словах о незаконченной смене её пальцы задержались.

Она сказала, что раньше растения закрепляли за сотрудниками. Позже имена решили заменить названиями сортов, но часть старых меток могла попасть в отгрузку.

— И Галина Петрова? — спросила Олеся.

— Вы её знали?

— Она жила рядом с нами.

— Тогда вам известно, что Галина умерла.

— Поэтому мы и приехали.

Елена передала табличку Марине и предложила пройти в холл, чтобы не задерживать посетителей. Ящик увезли через служебную дверь. Карточка на моём телефоне мигнула зелёным, словно я действительно отметилась на работе.

В холле было прохладно. У окна сидели двое постояльцев. Молодой сотрудник помогал женщине застегнуть кофту и терпеливо ждал, пока с последней пуговицей она справится сама. На стене висели фотографии работников, рядом находилась доска благодетелей. Несколько благодарностей от семей были написаны от руки.

В глубине холла женщина за стойкой отвечала на звонок родственницы. Она не отделилась общими словами: открыла расписание, назвала время процедуры и уточнила, когда врач перезвонит. Пожилой мужчина у окна попросил другой журнал, и ему не сунули первый попав-

шийся, а нашли выпуск с крупным шрифтом. Эти мелочи не были подготовлены к нашему приезду. Пансион существовал не только на фотографиях.

На доске рядом с благодарностями висело недельное меню. Под ним висела записка крупными буквами: «Кашу в четверг не подслащивать». Администратор, проходя мимо, поправила лист и сказала, что просьбу учли. Настасья Петровна прочитала записку, но ничего не прокомментировала. Я знала этот её взгляд: хорошую работу она замечала так же внимательно, как плохую.

Елена рассказала, что пансион работает восемь лет. Сначала в нём было двенадцать мест, теперь тридцать два. Здесь принимали людей после операций и тех, чьи родственники временно не справлялись с уходом. Часть мест оплачивали благотворители.

Пока Марина оформляла возврат, директор предложила показать теплицу. Настасья Петровна согласилась только после того, как увидела акт приёма ящика.

Дорожка шла через сад. В тени сидели пожилые люди, рядом дежурил сотрудник с водой. Пансион не выглядел пустой витриной. Здесь действительно работали и помогали.

У входа в сад висел план дня. После обеда были занятия с инструктором и тихий час; посещения заканчивались в восемь вечера. Рядом стояла корзина для телефонов на время общей гимнастики. На ней приклеили записку: «Подписывать свои, одинаковых пять». Даже порядок здесь приходилось удерживать от обычной человеческой путаницы.

Олеся посмотрела на меня так, будто хотела напомнить: ошибка иногда остаётся ошибкой, даже если нам хочется найти за ней умысел.

По дороге Елена объяснила, почему открыла пансион. Три года она ухаживала за больной матерью дома и поняла, что семья не всегда способна справиться одна.

— Потому что семья тоже люди, — сказала Настасья Петровна.

— Именно. Родственники устают и боятся в этом признаться. Здесь они получают возможность выдохнуть.

У теплицы была отдельная дверь с электронным замком. Елена приложила карту, но внутрь нас не повела: шла обработка растений. Через стекло виднелись длинные ряды столов. На дальнем стеллаже стояли ящики, похожие на наш.

Возле двери теплицы стояла тележка с чистыми поддонами. На ручке висела карточка с утренним временем обработки. Елена убрала тележку с прохода сама, не позвала сотрудника. За стеклом женщина в фартуке проверяла нижние полки и отмечала что-то в планшете. Здесь не было ощущения заброшенного хозяйства, где порядок держался только перед визитами.

Цикламены выращивали здесь. Климатическая система позволяла подготовить цветение к нужному сроку. Растения собирались передать семьям сотрудников и нескольким благотворителям. Настасья Петровна осмотрела теплицу через стекло и признала, что цветы подготовлены хорошо.

Елена сказала, что участок настраивала Галина. Она знала растения лучше многих специалистов и фактически держала часть теплицы на себе.

— Тогда почему её табличка оказалась в пустом горшке? — спросила я.

— Возможно, растение погибло. После смерти Галины работу передавали другим, в маркировке возник беспорядок.

— А фраза про смену?

Елена выдержала паузу.

— Люди тяжело переживали её смерть. Возможно, так выразили чувство вины.

Ответ звучал правдоподобно, но не объяснял пустой горшок и надпись о незаконченной смене.

Когда мы вернулись, Марина положила на стол акт: «Логистическая ошибка, комплект принят полностью». Я указала на пустой горшок. В заявке действительно были записаны

восемь растений и один технологический горшок. Значит, пустая ёмкость входила в заказ изначально. Зачем она понадобилась, документ не сообщал.

Марина предложила закрыть мой профиль. Я сама открыла служебную страницу, она назвала шестизначный код. После ввода появилась кнопка «Завершить участие». Я нажала её и получила сообщение: «Запрос принят. Изменения вступят в силу после закрытия смены».

— Какой смены? — спросила я.

— Технической.

— Когда она закрывается?

— После синхронизации базы. Обычно в течение часа.

Настасья Петровна сложила руки на груди.

— Вчера мне обещали, что всё исчезнет после возврата. Теперь у Веры есть смена. Следующим будет расчётный лист?

Марина ушла звонить техническому специалисту. Пока мы ждали, к нам подошла девушка с телефоном на стабилизаторе. На бейдже значилось: «Лера. Волонтёр». Она предложила снять короткий ролик о заботливых соседях, которые вернули цветы. Я отказалась. Лера пообещала не показывать лиц, но уже подняла камеру.

— Сначала согласие, — остановила её Елена.

— Я только спросила.

— Камера появилась раньше вопроса, — заметила Олеся.

Лера опустила стабилизатор и извинилась. Обиженной она не выглядела, скорее удивилась, что готовая добрая история не захотела укладываться в готовый сценарий.

Марина вернулась с письменным подтверждением. Профиль поставили на удаление. На листе стояли номер заявки и время — 11:42. Я убрала его к накладной.

Теперь можно было уходить, но вопрос о Галине оставался. Я спросила, действительно ли ей стало плохо в пансионе.

Елена понизила голос. Галина закончила тяжёлую смену и находилась в комнате отдыха персонала. Там ей стало плохо. Сотрудники вызвали скорую, Галину доставили в больницу, но врачи не смогли помочь.

Дату директор называть отказалась без согласия семьи. Олеся спросила, знает ли дочь Галины о табличках. Елена полагала, что нет, и не была уверена, что женщине сейчас стоит сообщать о них.

— Решать должна она, — сказала Настасья Петровна.

Елена согласилась и попросила не публиковать фотографии. Потом назвала смерть Галины личной трагедией на фоне переутомления. Внутренняя проверка не нашла нарушений, которые могли повлиять на исход.

— Переработки были? — спросила я.

— В уходе возникают экстренные ситуации. Сотрудники меняются сменами и иногда остаются дольше. Дополнительное время оплачивается.

— Галина работала три смены подряд?

Марина подняла голову. Елена ответила после паузы:

— Я не стану обсуждать табель умершего человека в холле.

— Значит, вопрос не бессмысленный.

— Значит, у разговора есть границы.

Она имела право так ответить. Я это понимала, но яснее не стало.

Возле выхода Елена ещё раз извинилась. Пансион, по её словам, не был идеальным, но здесь люди получали помощь, которой у них иначе не было бы. Она попросила помнить об этом, прежде чем делать выводы по одной табличке.

— Мы выводов не делаем, — ответила Настасья Петровна. — Мы проверяем.

На остановке Олеся призналась, что Елена ей понравилась. Директор не пряталась, учреждение работало, люди получали нормальный уход. Я возразила, что каждый конкретный вопрос Елена переводила на общую пользу пансиона. Олеся напомнила, что я задавала вопросы о смерти в открытом холле.

Настасья Петровна прекратила спор. Пансион действительно помогал людям, но ошибка с ящиком от этого не становилась нормальной. Пока у нас не было оснований обвинять директора, как не было и причины забывать о табличке.

Автобус пришёл с опозданием. Мы заняли задний ряд. Я открыла фотографию графика полива у проходной. Теплица значилась в нём в семь утра и в шесть вечера. Ночного полива не было.

— Ты всё-таки сняла график, — сказала Олеся.

— Он висел открыто.

— Это наблюдение, а не оправдание.

Телефон завибрировал. На экране появилось служебное уведомление:

«Задание назначено. 03:00. Проверить полив сектора ночной группы. Подтвердить состояние меток. Код ТС-Т/684».

Ниже была кнопка «Принять». Отказаться приложение не предлагало.

Код ТС-Т совпадал с транспортной биркой. Последние цифры повторяли номер заказа на цикламены.

Я позвонила Марине. Она ответила после третьего гудка и сразу сказала, что профиль ещё синхронизируется.

— Мне назначили задачу на три часа ночи.

— Это кэш старой заявки.

— В кэше указаны сектор ночной группы и проверка меток.

Марина помолчала.

— Не открывайте задание. Я передам технику.

— Почему такой задачи нет на графике у проходной?

— Потому что она не действует.

— Тогда откуда точное время?

— Система могла подтянуть шаблон.

— Чей?

— Я не могу разбирать программу по телефону. Уведомление ошибочное.

Я попросила подтвердить это письменно. Через минуту пришло сообщение без подписи: «Служебная задача создана автоматически. Выполнение не требуется».

Я сохранила оба экрана и открыла сведения о профиле. Статус временного сотрудника оставался активным до четырёх утра.

— Может, это действительно старая задача, — сказала Олеся.

— Может. Только её код совпадает с ящиком, который собрали сегодня утром.

Настасья Петровна прочитала уведомление и вернула мне телефон.

— Ночью никуда не поедешь.

— Я не собиралась.

— Хорошо. Первое разумное решение за сегодня.

Телефон снова завибрировал. Приложение напомнило, что до начала смены осталось пятнадцать часов.

В официальном графике такой смены не существовало. В моём профиле она уже была назначена.

Глава 3. Экскурсия по безупречности

Уведомление о ночной смене пришло, когда автобус успел отъехать от пансиона всего на две остановки. Мы перечитали его три раза, а потом Настасья Петровна потребовала выйти.

— Следующий автобус в деревню через два часа, — напомнила Олеся.

— За два часа Веру успеют назначить заведующей теплицей, — ответила Настасья Петровна. — Возвращаемся.

Водитель открыл дверь у старого поворота и поинтересовался, не забыли ли мы в пансионе человека. Я показала телефон.

— Хуже. Меня там оставили на работе.

Он посмотрел на экран, пожал плечами и пожелал удачной смены. До проходной мы шли минут пятнадцать, а мой служебный профиль продолжал считать время до трёх часов ночи.

Охранник встретил нас без радости. Он уже убрал распечатку дневного графика со стойки, но я успела снять её в прошлый визит. На фотографии полив заканчивался в шесть вечера.

— Мы закрыли возврат, — сказал он. — Растения приняты.

— А сотрудница осталась, — ответила Олеся и указала на меня. — Пришли забрать.

Я показала уведомление. Охранник прочитал его, ещё раз посмотрел на моё лицо и вызвал Марину Крылову. За нами стояла женщина с пакетом яблок. Я держала телефон с зелёным пропуском у считывателя, и турникет не пропустил её.

— Даже увольнение создаёт очередь, — сказала Олеся.

Охранник попросил меня отойти. Женщина прошла и посоветовала не спорить с хорошим местом работы, раз уж приняли без собеседования.

Марина пришла быстро. На этот раз поверх медицинского костюма у неё был лёгкий халат, а в руке — планшет. Она просмотрела сообщение и подтвердила, что ночная задача не должна была попасть в мой профиль.

— Техник уже занимается заявкой, — сказала она. — Задание исчезнет после обновления.

— Оно стало подробнее, — ответила я. — Появились сектор и проверка меток.

Марина провела пальцем по экрану, но открывать задание не стала.

— Это старый шаблон теплицы.

— Почему он связан с сегодняшним заказом?

— Номер мог подтянуться автоматически.

— А ночная группа?

— Внутреннее название участка.

Настасья Петровна спросила, существует ли такой участок сейчас. Марина ответила, что не ведёт хозяйственную часть теплицы и не хочет давать неточную информацию.

Из холла вышла Елена Волкова. Она уже знала о нашем возвращении и предложила не продолжать разговор на проходной. По её словам, недоразумение лучше снять сразу, пока мы не успели построить версию на ошибке программы.

— Версию мы пока не строили, — сказала я.

— Тогда тем более. Посмотрите, как всё устроено, и сами убедитесь, что тайной ночной смены здесь нет.

Олеся тихо спросила, успеем ли мы на последний дневной автобус. Настасья Петровна посмотрела на часы и сказала, что успеем, если экскурсия не окажется длиннее трудового договора.

Елена повела нас через холл в жилой корпус. У входа к нам присоединилась Лера со стабилизатором для телефона. Она сообщила, что снимает материал о буднях пансиона и сегодня как раз нужен сюжет про теплицу.

— Без нас, — сразу сказала Настасья Петровна.

— Лица можно не показывать, — ответила Лера. — Только руки, цветы и общую атмосферу.

— Руки тоже мои.

Лера опустила телефон, но через минуту заметила зелёную карточку в моём приложении.

— У вас роль временного сотрудника. Отлично. Можно снять, как новый волонтер знакомится с участком.

— Я пришла уволиться.

— Тогда снимем до увольнения.

Елена попросила не давить на гостей. Лера согласилась, но предложила хотя бы один нейтральный кадр: я проверяю лейку у входа в теплицу. Олеся сказала, что лейка не давала согласия на съёмку. Лера впервые улыбнулась не для камеры и убрала стабилизатор в сумку.

Коридор был светлым, с широкими поручнями по стенам. Двери комнат стояли открыты. На каждом бейдже постояльца рядом с именем был указан номер комнаты, а на дверях — только номер и небольшая картинка.

Елена объяснила, что картинки на дверях помогают людям, которым трудно запомнить цифры. Имена не размещали ради приватности. После табличек в ящике я стала замечать, где имя заменили знаком.

В общей комнате женщина складывала полотенце и сердилась, что края не совпадают. Сотрудница не стала помогать без просьбы, а подождала, пока она разложит ткань заново.

— Мы не прячем трудности, — сказала Елена. — Здесь люди живут, а не участвуют в постановке.

В этот момент Лера попросила сотрудницу повторить движение с полотенцем, потому что предыдущий кадр вышел тёмным. Сотрудница посмотрела на директора. Елена велела ничего не повторять и снимать только то, что происходит само.

Олеся бросила на меня короткий взгляд. Елена умела остановить неудобную инициативу, когда видела её.

У процедурного кабинета висело расписание процедур. Напротив каждой фамилии сотрудника стояла дневная смена. Ночные сотрудники в этом открытом расписании не значились. Я спросила, где отдыхает персонал после дежурства.

— В служебной части, — ответила Елена. — Там есть комната отдыха.

— Та, где стало плохо Галине?

Марина, шедшая рядом, поправила папку под рукой.

— Да.

— Можно её увидеть?

— Сейчас там отдыхают сотрудники, — сказала Елена. — Мы не будем заходить без необходимости.

Ответ был формально правильным, поэтому спорить было не с чем.

Лера снова достала телефон и попросила меня пройти по коридору с пустой лейкой. Она объяснила, что зрителю нужен герой, иначе кадр выглядит как запись с камеры наблюдения.

— Возьмите себя, — предложила я.

— Я снимаю.

— Тогда снимите Елену.

— Директор уже была в двух роликах на этой неделе.

Олеся взяла лейку, посмотрела внутрь и вернула на место.

— В ней земля. Поливать ею нельзя.

Лера заглянула и нахмурилась. Лейку использовали как кашпо, но издалека это было не видно. Её попытка снять красивый кадр закончилась полезным вопросом: почему предмет для полива стоит в жилом коридоре, если теплица находится в другом крыле?

Марина объяснила, что Галине нравилось держать здесь несколько садовых вещей. После её смерти часть перенесли, а эту лейку оставили по просьбе постояльцев.

— Значит, Галина ходила через жилой корпус? — спросила я.

— Иногда, — ответила Марина. — Она помогала не только в теплице.

— В какую смену?

— В ту, когда была на работе.

Елена вмешалась и предложила продолжить осмотр. Общие ответы снова закрыли конкретный вопрос, но теперь я знала: Галина проходила через жилой корпус, хотя официально за теплицу не отвечала.

На стене возле выхода в сад висели фотографии сотрудников. Под снимком Галины было написано: «Санитарка». На других карточках добавляли вторую обязанность: инструктор по занятиям, мастер кухни, помощник по саду. У Галины ничего подобного не было.

— Она фактически вела теплицу, — напомнила Олеся.

Елена согласилась, что Галина много помогала, но должность не меняли, потому что её основная работа оставалась в жилом корпусе.

— Дополнительная работа учитывалась? — спросила я.

— Мы уже говорили об оплате. Все часы проходили по внутренней системе.

Мой телефон завибрировал. На экране появилось: «Маршрут сотрудника не завершён. Отметьте точку 2: жилой корпус».

Лера увидела уведомление первой.

— Вот теперь вы настоящий волонтер. Система ведёт вас по маршруту.

Марина быстро взяла мой телефон, но я не выпустила его из руки.

— Не нажимайте, — сказала она. — Иначе откроется следующая точка.

— Значит, точек несколько?

— Это учебный маршрут.

— Для полива?

Марина вернула телефон.

— Для временного персонала.

Я сделала снимок экрана. Елена попросила техника немедленно отключить профиль и больше не стала утверждать, что задача исчезнет сама.

В саду один из постояльцев спрятал панаму под скамейкой и объявил, что врач запретил ему выходить без неё, а значит, гимнастика отменяется.

— Панама под вашей ногой, — заметила Олеся.

— Нашлась поздно.

Он всё же пошёл к группе, выторговав обещание не делать наклоны. Елена не раздражалась. Здесь умели обращаться с чужим упрямством без унижения.

У дальней беседки стоял высокий мужчина в светлой рубашке. Он держал в руках упаковку от мятных леденцов и изучал мелкий текст. Марина представила его как Аркадия Семёновича, бывшего фармацевта.

— Бывших фармацевтов не бывает, — поправил он. — Бывают люди без доступа к складу.

Елена спросила, почему он не на занятии. Аркадий Семёнович ответил, что сегодня воскресенье и гимнастики нет.

— Сегодня вторник, — мягко сказала Марина.

Он посмотрел на часы, затем на небо.

— Значит, расписание опять обогнало меня. Но срок годности леденцов всё равно истекает через два месяца, а не через год, как обещали.

Марина проверила упаковку. Срок действительно истекал через два месяца. Она пообещала передать сведения в хозяйственную часть.

Аркадий Семёнович заметил Леру и попросил не снимать его без рубашки с карманом. На нём как раз была рубашка с карманом, но спорить никто не стал. Потом он увидел нас и спросил, привезли ли мы цикламены обратно.

— Откуда вы знаете? — спросила я.

— Их утром вынесли через сад. Пустой горшок был посередине.

Елена объяснила, что Аркадий Семёнович часто гуляет возле теплицы и замечает хозяйственные работы.

— Галина ставила пустой горшок у двери, — продолжил он. — Туда складывали сломанные метки. Только у неё на метках были имена.

Марина напомнила, что позже растения получили названия сортов.

— Получили краску, — возразил Аркадий Семёнович. — Названия у них и раньше были. Галина писала людей, чтобы знать, чьи руки поливали.

— Вы уверены? — спросила я.

— Тамара отвечала за левый ряд у вентилятора. Светлана — за стол возле воды. Галина держала цикламены у холодной стены. Они любят прохладу и не любят, когда их льют сверху.

Настасья Петровна впервые за экскурсию подошла ближе.

— Верно, — сказала она. — А где стояли лейки?

Аркадий Семёнович указал на боковую дорожку к теплице.

— В шкафу возле служебной двери. Синяя на нижней полке, зелёная наверху. После ночной смены Галина переставляла их местами, потому что зелёная протекала у ручки.

Марина предложила ему сесть в тени. Он отказался и продолжил:

— Потом шкаф закрыли. Журналы тоже там лежали. Бумажные, большие. Галина записывала полив и температуру.

— Сейчас всё электронное, — сказала Марина.

— Поэтому теперь никто не знает, где что записано.

Елена спросила, о каком времени он говорит. Аркадий Семёнович назвал осень, потом поправился на весну. День недели он тоже перепутал. Марина обратила наше внимание на это без насмешки, но смысл был понятен: его память нельзя принимать целиком.

Я решила сразу проверить его слова.

— Как выглядит шкаф?

— Серый, две дверцы. На правой вмятина от тележки. Замок новый, блестит.

— Где стояли цикламены?

— Третий стол от системы охлаждения. Там табличка «Снежная нежность», но под ней Тамара. Краска уже отходит.

Марина резко посмотрела в сторону теплицы. Елена сказала, что в такую жару экскурсию пора заканчивать, однако Настасья Петровна попросила показать растения. Она говорила о них спокойно, как человек, которому важнее проверить корни, чем спорить с директором.

К теплице мы подошли по боковой дорожке. Электронный замок сработал от карты Елены. Внутри было прохладнее, чем в саду. Вентиляторы гудели под потолком, между столами оставался широкий проход для тележек. Возле правой стены стоял серый шкаф. На дверце темнела вмятина, а замок выглядел новым.

Аркадий Семёнович не пошёл за нами. Он остался у стекла, но поднял руку и показал в сторону третьего стола.

Там стояли цикламены. Перед ними белели таблички с названиями: «Зимнее утро», «Розовый снег», «Снежная нежность». Имен не было.

Лера стала снимать растения крупным планом. Возле таблички «Снежная нежность» она сказала, что это один из самых удачных сортов.

— Это не сорт, — заметила Настасья Петровна.

Лера опустила телефон.

— В смысле?

— Название придумано для ролика. Сорт на горшке указан другим кодом.

На боковой наклейке действительно стояло заводское обозначение, не похожее на «Снежную нежность».

— Мы делали понятные названия для подписчиков, — сказала Лера. — Обычные коды никому не интересны.

— Когда перекрашивали таблички? — спросила я.

— Перед весенней съёмкой. Старые выглядели плохо.

— Все?

— Почти.

Настасья Петровна взяла табличку двумя пальцами, не вытаскивая её из земли. На краю краска поднялась маленьким пузырьком. Пластик уже был повреждён, и верхний слой отходил сам.

— Здесь красили по старой надписи, — сказала она.

Елена попросила не портить имущество. Я ответила, что табличка уже отслаивается, и поднесла ладонь под край, чтобы кусочек краски не упал в горшок. Он отделился без усилия.

Под белой краской проступила чёрная буква. Я убрала ещё один отставший фрагмент. Появилось имя: «Тамара Зуева».

Олеся сразу вспомнила, что Тамара несколько месяцев работала ночами. Она приходила в салон утром и однажды уснула, пока краска держалась на волосах. Тогда Олеся решила, что женщина вернулась с обычной смены.

— Тамара действительно отвечала за этот ряд? — спросила я у Марины.

Марина посмотрела на Елену. Та ответила сама:

— Раньше сотрудники закреплялись за участками. Потом от этой системы отказались.

— Почему имя закрасили, а не заменили табличку?

— Лера использовала то, что было под рукой. В этом нет тайны.

Объяснение звучало правдоподобно. Лера признала, что торопилась перед съёмкой и красила прямо поверх старых надписей. Она даже показала остатки белой краски на полке у стены.

Настасья Петровна проверила соседнюю табличку. Краска держалась крепко, и она не стала её трогать. У третьей таблички край тоже отходил, но под ним виднелась только первая буква. Мы не продолжили: одной таблички хватало, чтобы связать имена из ящика с реальной системой участков.

Я сфотографировала имя рядом с декоративным названием. Лера попросила не публиковать снимок до согласования. Я ответила, что публикации пока не будет.

— Тогда зачем фотографировать? — спросила она.

— Чтобы завтра имя снова не оказалось под краской.

Елена выпрямилась.

— Вера Сергеевна, мы ничего не скрываем. Старые рабочие метки заменили на названия для посетителей. Люди не обязаны видеть внутреннее распределение обязанностей.

— Люди, возможно, нет. Работники обязаны.

— Работники знали свои участки.

— Даже в ночной группе?

Марина отвернулась к планшету. Елена сказала, что такой группы в действующем расписании нет.

В ту же минуту мой телефон завибрировал. На экране открылась следующая точка маршрута: «Теплица. Сектор ночной группы. Проверить метки».

Под заданием появилась схема. Отмеченный сектор совпадал с третьим столом у системы охлаждения, где стояла табличка Тамары.

Я показала экран Елене. Она больше не говорила о случайном шаблоне. Марина попросила переслать ей снимок задания и впервые назвала адрес служебной почты, а не общий номер.

Настасья Петровна вернула табличку в прежнее положение. Белая краска держалась на большей части поверхности, но имя уже читалось.

На выходе я оглянулась на серый шкаф. Новый замок блестел под лампой. За его дверцами, по словам Аркадия Семёновича, раньше лежали бумажные журналы полива. Их официально заменило приложение. Оно же назначило ночную работу человеку, который пришёл вернуть чужие цветы.

На моей ладони остался белый кусочек краски. На белой стороне отслоившейся плёнки сохранились слова «Снежная нежность», на обороте — след чёрной буквы из имени Тамары.

Глава 4. Женщина, которая не жаловалась

Утром Олеся принимала первую клиентку, а мы с Настасьей Петровной заняли два стула у стены. У меня были распечатки снимков из теплицы. Настасья Петровна принесла пакет с кусочком белой краски, который снялся с таблички Тамары Зуевой. Олеся сказала, что салон превращать в штаб не разрешает, но поставила рядом с нами чайник и закрыла дверь на улицу.

Клиентка сидела под пелериной с краской на волосах и листала старый журнал. Она несколько раз посмотрела на фотографию таблички, потом не выдержала:

— Расследование входит в стоимость окрашивания или оплачивается отдельно?

— Только при сложном окрашивании, — ответила Олеся. — У вас обычное, поэтому можете не участвовать.

— А послушать?

— Это бесплатно, но потом нельзя пересказывать половине деревни.

— Тогда какой смысл слушать?

Она потянула из нижней корзины другой журнал. Вместе с ним на пол выпал прозрачный файл с копиями бумаг. Олеся подняла его, прочитала верхнюю строку и перестала улыбаться.

— Я думала, это у Веры.

— Что именно?

— Полная копия письма Галины из дела Лидии Арсеньевны.

В конце истории с последней лестницей мы нашли короткую записку Лидии: «Галина Петрова. Пансион. Проверить смены». Она вывела нас к пансиону, но полного письма тогда среди прочитанных бумаг не было. Несколько копий деревенских обращений остались у Олеси; текст на двух листах попал в файл со старыми журналами и до сегодняшнего утра не открывался.

Клиентка спросила, не нужно ли ей уйти. Олеся посмотрела на таймер краски и сказала, что уйти можно через семнадцать минут, иначе цвет получится не тот. Женщина вздохнула, надела наушники и демонстративно включила музыку. Через минуту она всё равно следила за нами в зеркале.

Олеся достала из файла два листа. Письмо было написано Галиной Петровой. Вверху стояла дата — за шесть недель до её смерти. Адресовано оно было Лидии Арсеньевне, которую Галина знала по деревне и считала человеком, способным разобраться в документах.

Почерк шёл с наклоном, несколько строк были зачёркнуты. Галина не называла фамилий и не обвиняла пансион прямо. Она писала, что сотрудников просят оставаться после смены, а потом часы исчезают из ведомости. Отдельно упоминала лекарства: по журналу упаковка числится выданной, но на полке её уже нет. В конце стояла фраза, подчёркнутая дважды: «Если со мной что-то случится, проверьте не таблетки, а смену».

Я прочитала её ещё раз.

— Почему мы не видели полного текста раньше?

— Потому что тогда разбирали бумаги Лидии Арсеньевны о доме, а копии деревенских обращений отложили на потом, — сказала Олеся. — Галина была жива, и никто не искал в её письме посмертную улику.

Настасья Петровна взяла лист за края.

— Это копия.

— Оригинал был в архиве Лидии, — ответила я. — После проверки бумаги передали родственнице. Нужно узнать, сохранился ли он.

— Сначала прочитай всё.

В середине письма Галина сообщала о двух сменах подряд. На следующий день её попросили остаться ещё на несколько часов, потому что заменить было некому. Она согласилась,

но просила Лидию подсказать, как получить копию настоящего графика. Ещё одна строка касалась дочери: «Юле не говорите, она опять велит увольняться, а я не могу бросить людей посреди месяца».

Клиентка сняла один наушник.

— Она всегда так говорила. Что не может бросить.

Олеся повернулась к ней.

— Вы её хорошо знали?

— Не близко. На остановке встречались. Она могла жаловаться на автобус, на жару, на свои сапоги. На людей в пансионе не жаловалась. Только всё время спешила обратно.

— Почему?

— Говорила, что без неё не разберутся.

Таймер подал сигнал. Клиентка тут же вернула наушник, словно ничего не произносила. Олеся повела её к мойке, а я сфотографировала письмо и записала дату.

На обороте второго листа сохранилась пометка Лидии Арсеньевны: «Без огласки. Сначала получить настоящий график». Рядом стояли две даты и номер районной приёмной. Первый звонок, судя по короткой записи, закончился советом обратиться к работодателю. После второй даты Лидия написала: «Галина просит подождать, боится оставить людей без смены». Даты показывали: Галина возвращалась к вопросу не один раз, искала способ проверить документы и при этом старалась не повредить пансиону.

Олеся нашла в своём ежедневнике день, когда Галина принесла копию. Запись стояла между двумя клиентками и была сделана на полях: «Передать Л. А. конверт, не вскрывать». Олеся вспомнила, что Галина пришла пешком со стороны остановки, отказалась от воды и сразу ушла, потому что машина пансиона должна была забрать её у старого магазина.

— Я тогда спросила, зачем прятать обычное письмо, — сказала Олеся. — Она ответила: «Не прячу. Просто хочу сначала понять, что именно у нас происходит».

Эта фраза звучала не как жалоба. Галина готовилась проверять собственные подозрения и не успела закончить.

Табличка перестала быть случайной угрозой: в письме Галина сама просила проверять смену. Это ещё не доказывало подмену лекарства или вину администрации. Зато официальная формулировка о личной трагедии больше не объясняла всё.

Когда клиентка ушла, Олеся заперла дверь на десять минут и позвонила Юлии, дочери Галины. Она не стала пересказывать письмо по телефону. Олеся сказала только, что нашла полную копию бумаги матери, связанной с пансионом, и спросила, когда можно поговорить.

Юлия ответила, что уже едет в деревню за оставшимися документами. Встречаться она не обещала, но попросила не входить в дом до её приезда. Мы и не собирались входить без разрешения, однако по её голосу было ясно: подобные попытки уже были.

Серый автомобиль остановился у дома Галины около полудня. Дом стоял на соседней улице, ближе к старой санаторной дороге. Калитка была заперта цепью. На окнах изнутри висели светлые занавески, а на крыльце лежал свёрнутый половик.

Юлия вышла из машины с папкой под мышкой. Она была похожа на мать только линией подбородка. Сначала поздоровалась с Олесей, затем посмотрела на меня.

— Вы Вера?

— Да.

— Та самая, которая расследует всё, что не успели убрать?

— Я ничего не расследую без согласия семьи.

Юлия перевела взгляд на Настасью Петровну.

— Хорошо, что вы пришли. Вас мама уважала.

— Поэтому и пришла, — ответила та.

Ключ от калитки Юлия не доставала. Она встала у цепи, оставив нас снаружи, и попросила показать письмо. Я протянула копию в прозрачном файле. Она прочитала последнюю фразу, затем вернулась к началу.

— Я этого не видела.

— Возможно, оригинал был у Лидии Арсеньевны, — сказала я. — Мы пока не знаем, сохранился ли он.

— Мама обращалась к ней за советом. Думала, что бывший инженер умеет разговаривать с учреждениями лучше всех юристов.

— Вы знали, что она работала почти двое суток подряд?

Юлия закрыла файл.

— Знала, что она перерабатывает. Не знала, сколько. Когда спрашивала, мама отвечала, что всё оплачивают и она сама согласилась.

— А лекарства?

— Она говорила, что в пансионе вечная путаница с наклейками. Я просила написать официально. Она боялась, что уволят Марину или санитарок, а пациентов оставить некому.

В словах не было защиты пансиона. Юлия просто повторяла логику матери, которая пыталась исправить работу, не причиняя вреда людям рядом.

Олеся спросила, можно ли поговорить о состоянии Галины перед смертью. Юлия сразу напряглась.

— Если вы про депрессию, её придумали после похорон.

— Кто?

— Все понемногу. В больнице спросили про лекарства. Я сказала, что мама принимала успокоительное по назначению врача. Через день в деревне уже рассказывали, будто она месяцами не хотела жить.

— У неё было хроническое заболевание? — спросила я.

— Сердце. Она наблюдалась, таблетки принимала аккуратно. После ночных смен плохо спала, поэтому врач добавил успокоительное. Своё, в подписанной упаковке.

Юлия достала из папки фотографию. На ней Галина сидела за кухонным столом. Перед ней лежали две коробки. На каждой крупными буквами были написаны время и дата начала приёма.

— Она подписывала всё, — продолжила Юлия. — Даже витамины. Если блистер выпадал из коробки, она не пила, пока не находила упаковку. Мама могла забыть поест, но чужую таблетку без названия не брала.

— В официальной версии была лишняя доза? — спросила я.

— Мне сказали: возможно, перепутала препараты на фоне усталости. Потом появилась фраза про личную трагедию. Удобная, потому что не требует объяснять, откуда у неё оказался чужой пакет.

Настасья Петровна спросила, видела ли Юлия этот пакет. Та покачала головой. В больницу передали только личные вещи: телефон, ключи и одежду. Упаковку лекарств ей не отдали. Позже Марина сказала, что пакет утилизировали по правилам.

— Вы подали заявление? — спросила я.

— Запросила документы. Получила выписку и внутренний акт о происшествии без подписей работников. Мне посоветовали не искать в работе причину болезни.

— Кто посоветовал?

— Елена Волкова. Вежливо. Она сказала, что пансион тоже переживает утрату.

Юлия вернула письмо в файл.

— Я не хочу громкого скандала. Если пансион закроют, людей придётся забирать домой за один день. Многие семьи не справятся.

— Мы не предлагаем закрывать пансион, — сказала Олеся.

— Пока не предлагаете. Потом найдётся журналист, который напишет, что там травят стариков и работников. Моей матери дадут красивое определение, которое она бы ненавидела.

Я поняла, почему Юлия оставила цепь на калитке. Она защищала не только дом. Ей уже приходилось защищать мать от чужих удобных версий.

Олеся опустила глаза.

— Я должна вам кое-что сказать. Галина просила меня не показывать вам, как она устаёт.

Юлия посмотрела на неё внимательнее.

— В каком смысле?

— Два раза приходила с синяками на руках. Говорила, что помогала поднимать человека после падения. Перед вашим видеозвонком попросила замазать след на предплечье корректором и опустить рукав ниже.

— И вы сделали?

— Сделала. Она сказала, что иначе вы опять начнёте уговаривать её уйти.

— Я и уговаривала.

— Знаю.

— Почему вы мне не сказали?

Олеся не стала оправдываться.

— Потому что Галина попросила. Сейчас понимаю, что молчание тоже помогало ей делать вид, будто она справляется.

Юлия отвернулась к дому. Несколько секунд она смотрела на закрытое окно кухни.

— Мама считала, что жаловаться можно только на то, что ты не в состоянии исправить сама. Поэтому на работу она не жаловалась. Просто приходила с новым пластырем.

В этой фразе не было восхищения. Юлия злилась на мать и скучала по ней одновременно.

Я показала фотографию таблички из пустого горшка, затем снимок имени Тамары Зуевой под белой краской. Объяснила, как ящик попал к Настасье Петровне и почему приложение назначило мне ночную задачу. Я не говорила о духах и не называла Елену виновной. У нас были только вещи, записи и вопросы.

Юлия пролистала снимки.

— Табличка мамы была в пустом горшке?

— Да.

— А фраза уже была написана?

— Уже. Мы её не добавляли.

— Кто может подтвердить?

— Курьер видел таблички. Есть фотографии с временем доставки. Накладная сохранилась.

— А пансион?

— Признал, что ящик их. Фразу объяснили чувством вины сотрудников.

Юлия усмехнулась без веселья.

— Там умеют объяснить всё так, чтобы никто не оказался виноват.

Она открыла калитку, но внутрь нас не пригласила. Сняла цепь, вошла во двор и снова прикрыла створку. Мы остались на улице. Через несколько минут Юлия вынесла картонную коробку с документами и поставила её в багажник.

— Сегодня дом смотреть не будете, — сказала она. — Я должна проверить, что там осталось.

— Хорошо, — ответила я.

— И ключ я никому не дам, пока не пойму, зачем вам доступ.

Настасья Петровна предложила продолжить разговор у неё дома. На улице становилось жарко, а Юлии всё равно нужно было просмотреть бумаги. Та согласилась не сразу. Потом закрыла калитку и пошла за нами, сжимая ключ в ладони.

На кухне Настасья Петровна поставила воду и освободила край стола. Юлия положила папку перед собой, но ключ не выпускала. Я развернула рядом копию письма и снимки.

— Скажите прямо, что вы хотите найти, — потребовала она.

— Подтверждение реальных смен Галины, — ответила я. — График, записи о вызовах, рабочие вещи. То, что можно сверить с письмом и заданием из приложения.

— Личные дневники?

— Только если вы сами разрешите и будете рядом.

— Телефон?

— Без вашего согласия не тронем.

— Одежду?

— Посмотрим рабочую, если это поможет восстановить, когда она приезжала домой. Ничего не заберём.

Юлия постучала ключом по краю стола.

— Вы обещаете разобраться?

— Нет.

Она явно не ожидала такого ответа.

— Почему?

— Потому что пока не знаю, есть ли у нас достаточно фактов. Я могу обещать фиксировать, что увидим, и отделять документы от слухов. Если понадобится официальная проверка, решать будете вы.

Настасья Петровна поставила перед Юлией стакан воды. Та сделала несколько глотков и снова посмотрела на фотографии.

— Мама не хотела быть жертвой, — сказала она. — И святой её тоже не делайте. Она сама соглашалась выходить лишний раз. Иногда врала мне, иногда прикрывала коллег. Если выяснится, что она ошиблась с таблеткой, я это приму. Но не поверю, что она добровольно взяла лекарство из чужого пакета.

— Почему именно чужой? — спросила Олеся.

— На внутреннем акте есть фраза: «препарат из пакета смены». Я пыталась узнать, что это значит. Марина ответила, что так комплектуют назначения для сотрудников на дежурстве. Маминых лекарств там быть не должно.

Я записала формулировку дословно.

— Этот акт у вас?

— Копия в папке. Забрать не дам. Сфотографировать можно при мне.

Это было больше, чем я рассчитывала получить. Я сделала снимок двух страниц. Время ухудшения состояния в акте отсутствовало. Указывалось только, что Галину нашли в комнате отдыха и передали бригаде скорой помощи.

Юлия следила за каждым движением телефона.

— Фамилии других людей не публикуйте.

— Не будем.

— Сведения о мамином диагнозе тоже.

— Без вашего решения они никуда не уйдут.

— И в доме ничего не открывайте из личного без меня.

— Согласна.

— Олеся может быть с вами. Настасья Петровна тоже. Других не приводить.

Я кивнула. Хотелось сказать, что ограничения усложнят осмотр, но доступ принадлежал не мне. Чем точнее Юлия называла условия, тем яснее становилась наша ответственность.

Она наконец разжала пальцы. На ладони остался след от бородки ключа.

— Завтра утром я не смогу приехать, — сказала она. — Мне нужно в больницу за ответом на запрос. Осмотрите дом без меня, но звоните, прежде чем открыть шкаф с бумагами. Рабочие вещи можно смотреть. Выносить нельзя ничего.

— Поняла.

— И ещё. В маминых вещах не было зелёного блокнота.

— Какого блокнота?

— Садового. Небольшой, в зелёной обложке. Она записывала туда полив, смены и то, что нужно купить для теплицы. Носила каждый день в боковом кармане сумки.

— Его не передали из пансиона?

— Нет. Я думала, он дома, но здесь тоже не нашла. После похорон проверила кухню и спальню. Блокнота не было.

Юлия положила ключ на стол. Металл звякнул о клеёнку. Я записала ещё одну пропажу — зелёный садовый блокнот. Галина носила его каждый день, но после её смерти он исчез.

Глава 5. Имя на пустой табличке

В половине десятого вечера приложение напомнило, что моя смена начнётся через пять часов. Я сидела в домике над копией внутреннего акта о происшествии, когда под временем задания появилась новая строка: «Вход через служебный сектор. Присутствие обязательно».

Я позвонила Марине Крыловой. Она ответила не сразу; на заднем плане хлопнула дверь. Марина повторила, что техник уже получил заявку, и попросила не приезжать ночью. Я напомнила, что приложение требует явиться, а дневное обещание ничего не изменило.

После паузы она предложила приехать до одиннадцати, пока находилась в пансионе. Профиль можно было удалить через рабочий терминал. Я предупредила, что буду не одна. Марина разрешила сопровождающим ждать на проходной и заметила, что ночью в теплицу допускают только сотрудников. Главная проблема заключалась в том, что сотрудницей я не являлась.

Последний автобус ушёл. Олеся позвонила соседу, который иногда возил людей в районный центр. Тот согласился отвезти нас, но обратно ждать не собирался. По мнению Олеси, положение выглядело несправедливо: меня пансион уже числил своей, а она с Настасьей Петровной рисковала остаться ночью за воротами.

Настасья Петровна положила в сумку фонарь. Я напомнила, что в пансионе есть электричество, но она ответила, что наличие телефона тоже не защитило меня от трудоустройства.

Я взяла распечатку уведомления и письменное подтверждение Марины. Ключ от дома Галины убрала в карман: Юлия разрешила осмотр только завтра, но оставлять его в пустом домике я не хотела.

Сосед Михаил приехал на старом универсале. В салоне пахло сеном и лимонным освежителем. Олеся села впереди и сообщила, что мы едем увольнять меня с ночной должности. Михаил удивился скорости моего трудоустройства и спросил о зарплате.

— Пока обещали только полив.

— Тогда увольняйся, — решил он. — В деревне можно поливать бесплатно.

У пансиона горели фонари, главный вход уже закрыли. Охранник открыл боковую калитку после звонка Марине. На его мониторе мой профиль значился активным, а рядом с именем горела отметка: «Сотрудник прибыл на объект». Я ещё не прошла калитку, но телефон уже поймал служебную сеть и отметил меня в пределах территории.

Турникет пропустил только меня. Олеся и Настасья Петровна остались перед красной лампой. Настасья Петровна отказалась отпускать меня одну. Охранник ссылаясь на заявку с одним сотрудником, а она — на ошибку, из-за которой этот сотрудник появился. Для охранника убедительнее выглядел монитор.

Я позвонила Марине. Она не ответила, но прислала сообщение: «Задерживаюсь в корпусе. Пройдите к теплице, дверь откроется по заданию».

Олеся заметила, что человек, который должен меня уволить, фактически отправляет на работу. После звонка дежурному администратору охранник оформил им временные талоны и разрешил дойти до внутренней двери теплицы.

На дорожке горели редкие фонари. В окнах корпуса двигались тени дежурных.

Электронная дверь теплицы открылась от моего телефона. На экране появилось: «Точка 1 подтверждена». Охранник остался снаружи, а мы вошли втроём. За дверью лежал резиновый коврик с влажным следом от колёс тележки. След шёл к служебному коридору, хотя вечерний полив, по словам Елены, уже закончился.

Внутри горел один ряд ламп. Освещённым оказался сектор у системы охлаждения, который приложение называло ночной группой.

Маршрут в приложении заканчивался у этого сектора. Настасья Петровна потрогала землю в ближайшем горшке и установила, что растения поливали уже после дневной смены.

Под столом проходила отдельная трубка с клапаном. На чёрной наклейке значился код «НГ-3». Такой же код стоял в моём задании. Трубка уходила к стене корпуса, а не к общему баку теплицы.

На небольшом пульте мигала зелёная лампа. Последнее включение было отмечено в двадцать два ноль пять. Дневной полив, судя по открытому журналу, закончился в восемнадцать ноль три.

Настасья Петровна попросила посветить под стол. У общей трубы стояли обычные капельницы, а от линии «НГ-3» шли только четыре. Три заканчивались у горшков, четвёртая уходила под плинтус к корпусу. Земля у этих растений была влажнее, хотя листья выглядели так же, как у соседних.

Олеся предположила, что по линии подают не только воду. Настасья Петровна остановила её: пока отдельная трубка могла всего лишь поддерживать влажность у стены.

На клапане была пломба с сегодняшней датой. Её поставили после утренней отгрузки цикламенов. Я сняла номер крупно. Если линию проверяли днём, ночное включение не могло быть забытым остатком старой программы.

Я сделала снимок пульта. Приложение сразу сообщило: «Точка 2 подтверждена. Проверить давление».

Олеся заметила, что приложение знает моё точное место. Я предположила, что следующим шагом станет выдача формы. Настасья Петровна велела её не брать, чтобы потом не доказывать свою непричастность к работе.

Я ничего не подтверждала, но приложение само перешло к следующему пункту. На схеме загорелся крайний ряд возле служебной двери.

Там стояли растения без цветков. Большинство табличек были покрыты белой краской и подписаны декоративными названиями. Одна лежала рядом с пустым горшком. На ней не было ни слова.

Днём здесь стояла табличка «Тихая заря». На фотографии с экскурсии она была видна у пустого горшка, теперь же исчезла. Настасья Петровна осмотрела землю и закрытую капельницу. Растение убрали давно, но горшок продолжали поливать вручную.

Я сфотографировала табличку на полу, потом подняла её за край. Пластик был белым с обеих сторон.

Олеся предположила, что это заготовка. Настасья Петровна велела положить её обратно и дожидаться Марины.

Мы отошли к проходу. Телефон потребовал: «Установить метку. Подтвердить закрепление».

Олеся предупредила, чтобы я ничего не нажимала. Я и не собиралась, хотя это оправдание уже однажды не спасло меня от должности.

На соседней табличке под краской проступала фамилия санитарки из вчерашнего ящика. Настасья Петровна не стала счищать слой.

Настасья Петровна напонила, что здесь возвращалось уже написанное, а новые сведения не возникали. Значит, всё зависело от того, действительно ли табличка была пустой.

Насос под столом остановился. Зелёная лампа погасла, а в служебном коридоре щёлкнул замок. Лампа над крайним рядом тоже выключилась. Я включила фонарь на телефоне.

Табличка больше не лежала на полу. Она стояла в пустом горшке.

Олеся подошла ближе, не касаясь стола. Мы втроём помнили, что табличка лежала у правой ножки. Я подняла её и вернула на то же место.

Пластик был вставлен в землю почти до середины. Белая краска пошла пузырями. Под ней проступили тёмные буквы: «Раиса Дмитриевна».

Насос снова включился, но надпись не исчезла.

Фамилии на табличке не было. Настасья Петровна напомнила, что имя только задаёт направление проверки и не даёт готового ответа.

На фотографиях стенда такой постоялицы не было. В открытых публикациях пансиона имя тоже не встречалось. Олеся проверила доску благотворителей на своих снимках. Там были фамилии и названия организаций, но Раисы Дмитриевны не оказалось.

Соседние таблички подтверждали прежнее правило: под декоративными названиями проступали имена санитарок, закреплённых за участками. Пустой горшок стоял у дорожки, которая вела к служебной двери корпуса.

Я подошла ближе. На двери не было номера. Только электронный замок и матовое стекло. За ним внезапно загорелся свет.

Послышался женский голос:

— Раиса Дмитриевна, не вставайте. Я сейчас принесу воду.

Олеся взяла меня за локоть.

— Не открывай.

— Я и не собиралась.

— Ты уже взялась за ручку.

Я отпустила её. Из-за двери донёсся скрип стула, затем та же женщина сказала:

— Всё хорошо. Лекарство после воды.

На схеме здания двери комнат были пронумерованы. Между двенадцатой и четырнадцатой оставался прямоугольник без обозначения. К нему подходила линия от теплицы, та самая, что уходила под плинтусом.

Тринадцатого номера на схеме не было. Я допустила, что его пропустили из суеверия, но Олеся указала на главное: у помещения в любом случае должно быть назначение.

Возле косяка висела кнопка вызова, но табличку с назначением сняли. На краске остался светлый прямоугольник и два отверстия от шурупов. Больше я двери не касалась, только сфотографировала след от прежней таблички. В этот момент за стеклом прошла тень. Женщина по другую сторону остановилась так близко, что мы услышали звон ложки о стакан.

— Воду маленькими глотками, — сказала сиделка. — Потом я вернусь.

Другой голос ответил слишком тихо, слов я не разобрала. Через несколько секунд тень отошла. Свет за стеклом погас. Я записала время: двадцать два сорок семь.

Дверь из теплицы открылась, и на пороге появилась Елена Волкова. За ней шёл охранник. Елена была без пиджака, волосы собрала на затылке. Увидев табличку, она встала между нами и служебным коридором.

— Что вы здесь делаете?

— Закрываем ошибочный профиль по приглашению Марины, — ответила я.

— Она не давала вам разрешения ходить по служебной зоне.

— Дверь открылась по заданию.

— Электронный доступ не отменяет правил.

Я показала на пустой горшок.

— Кто такая Раиса Дмитриевна?

Елена вынула табличку из земли.

— Одна из первых благотворительниц теплицы. Галина посвятила ей растение.

— На доске благотворителей такого имени нет, — сказала Олеся.

— Не все люди хотят публичности.

— Она находится за этой дверью? — спросила я.

— За дверью служебный коридор. Я не обязана сообщать сведения о постояльцах.

— Дверь ведёт к комнате без номера?

— К техническому помещению.

— В техническом помещении дают лекарство Раисе Дмитриевне?

Елена положила табличку на стол белой стороной вверх.

— Вы подслушиваете частный разговор и фотографируете закрытую часть учреждения.

— Мы не открывали дверь.

— Но снимаете.

— Фиксируем табличку и рабочее задание.

Елена ответила, что мы сделали вывод из одного голоса и старой таблички.

— И из линии, которая идёт от ночного сектора к этой комнате, — сказала я.

Елена посмотрела на трубу у стены. До этого она держалась спокойно, но теперь быстро убрала телефон в карман и проверила, закрыта ли дверь в коридор.

— Это часть климатической системы корпуса.

— Тогда почему она обозначена кодом ночной группы?

— Внутренние коды не предназначены для посетителей.

— Я числюсь сотрудницей, — напомнила я. — По крайней мере, ваш терминал так считает.

Елена повернулась к охраннику.

— Проводите посетителей в холл.

Настасья Петровна не сдвинулась.

— Сначала объясните, почему система привела Веру сюда ночью.

— Ошибка программы.

— Ошибка открыла дверь, включила отдельный полив и попросила проверить метки.

— После переноса базы остались старые шаблоны.

— А женщина за дверью тоже осталась после переноса?

Елена выдержала паузу.

— Пансион отвечает за безопасность людей. Иногда семье нужен особый режим приватности. Это не означает нарушение.

Впервые она признала, что за дверью находится человек, чьё присутствие скрывают сознательно.

— Значит, Раиса Дмитриевна существует, — сказала я.

— Я этого не подтверждала.

— Вы говорили о семье и приватности.

Елена заговорила медленнее:

— Допустим, здесь находится постоялица, чьи родственники не хотят огласки. Вы не знаете её состояния и договора. Публикация фотографии может причинить вред.

— Публикации не будет, — сказала Олеся.

— Тогда удалите снимки.

— Я не буду их публиковать, — ответила я. — Но рабочую запись сохраняю.

— У вас нет права собирать сведения о постояльцах.

— Поэтому мы не войдём за дверь и не станем разыскивать фамилию через знакомых.

Но имя, время и комнату зафиксируем.

Настасья Петровна поддержала меня:

— Имя не равно обвинению. Оно только показывает место, которое нужно проверить.

Елена посмотрела на неё.

— Вы считаете, здесь происходит нечто необычное?

— Старая подпись проступила под краской. Остальное должны подтвердить документы и люди.

Охранник стоял у входа и явно жалел, что не остался на проходной. Елена предложила немедленно закрыть мой профиль и провела нас в служебную комнату рядом с теплицей.

Она вошла в терминал и нажала «деактивировать». Система потребовала причину. В списке были увольнение, окончание договора и перевод. Пункта о человеке, который никогда не работал, не оказалось.

— Выберите увольнение, — предложила Олеся. — Вера сегодня честно отработала.

— Тогда останется кадровая запись, — сказала Елена.

— Она и так уже есть.

Елена выбрала окончание временного допуска. Терминал ответил: «Активная ночная задача не завершена. Требуется передача смены».

— Кому передадите? — спросила Настасья Петровна.

— Я отменю задачу.

Для отмены понадобился код Марины. Елена позвонила ей. Марина продиктовала цифры слишком быстро, словно ждала звонка. После ввода кода задание исчезло с моего телефона. Карточка стала серой, затем появилось: «Доступ прекращён в 23:06».

— Теперь всё? — спросила Олеся.

— Теперь всё, — ответила Елена.

— Кроме Раисы Дмитриевны, — сказала я.

Елена закрыла окно программы.

— Вы обещали не вмешиваться в частную жизнь.

— Я обещала не публиковать данные.

Когда мы вернулись в теплицу, дверь в коридор была заперта. Свет за матовым стеклом не горел. Табличка исчезла со стола.

— Где она? — спросила я.

— Вероятно, сотрудник убрал.

— За две минуты?

— Здесь работают люди, Вера Сергеевна. Даже когда вы их не видите.

В земле пустого горшка осталась щель от пластика. На столе лежала одна капля белой краски, хотя табличку унесли. Я завернула её в чистую бумажную салфетку, не касаясь пальцами окрашенной стороны.

— Имя уже было, — сказала Настасья Петровна. — Убрать табличку проще, чем объяснить место.

— Это краска с неё? — спросила Олеся.

— Возможно. Поэтому не называем уликой, пока не сравним.

Елена заметила салфетку, но не потребовала вернуть. Видимо, спор из-за крошки краски выглядел бы хуже, чем позволить нам её забрать.

На проходной мы вернули временные талоны. Охранник убедился, что зелёный пропуск исчез, и спросил, как мы поедем домой. Михаил действительно уехал.

Елена вызвала нам машину за счёт пансиона. Настасья Петровна согласилась только после того, как уточнила, не оформят ли поездку как оплату моей ночной смены. Охранник впервые улыбнулся.

Ждать нужно было сорок минут. Мы сели на лавку у проходной. В крайнем секторе теплицы снова загорелась лампа, хотя задание уже отменили.

— Благотворительница — возможная версия, — сказала Олеся.

— Возможная, — ответила я. — Только лекарство ей дают в комнате без номера.

Настасья Петровна остановила нас:

— Мы знаем имя, дверь и время. Ещё знаем, что Елена защищает сведения о живом человеке. Защита сама по себе не преступление.

— А скрытое проживание?

— Его нужно доказать. И сначала понять, не опасно ли женщине там находиться.

Олеся увеличила фотографию таблички.

— Фамилии нет. Искать по районным группам не будем.

— Будем работать через Юлию и записи Галины, — сказала я. — В зелёном блокноте может быть эта комната.

Такси подъехало к полуночи. Когда мы вышли за калитку, приложение прислало последнее уведомление: «Спасибо за выполненную смену».

— Сохрани, — сказала Настасья Петровна. — Благодарность иногда доказывает работу лучше приказа.

В машине я открыла историю задач. Ночной маршрут считался завершённым, хотя я не подтвердила ни одного пункта. В отчёте стояло: «Метки проверены. Отклонений нет».

Ниже был указан участок: «НГ-3. Комната Р.Д.».

В отчёте рядом стояли имя на табличке и номер непрономерованной комнаты. Теперь нас интересовала не только смерть Галины. За закрытой дверью жила женщина, которой не было в открытых документах пансиона.

Глава 6. Дом на несколько часов

Утром Юлия приехала раньше нас и сама открыла калитку. В районной больнице перенесли выдачу ответа на её запрос, и она решила не оставлять дом на наш осмотр без хозяйки.

Ночью Юлия поняла, что всё равно будет представлять, как мы открываем каждый ящик. Наше обещание звонить перед шкафами её не успокоило: стоять рядом оказалось проще.

Олеся принесла перчатки и три прозрачных файла. Настасья Петровна взяла фонарь, хотя день был ясный. Я пришла с тетрадью, телефоном и распечаткой официального графика Галины, которую Юлия получила вместе с внутренним актом о происшествии.

На бумаге у Галины было два выходных перед последней сменой. Мы собирались проверить, как эти дни выглядели дома.

Юлия сняла цепь и выпустила нас во двор. Передняя дорожка заросла по краям, но у задней стены трава была примята. Я заметила это сразу и не стала говорить. Сначала нужно было увидеть дом, а не подгонять каждую деталь под нашу версию.

В сенях пахло закрытым помещением и старым деревом. Юлия распахнула окно, потом поставила ключ на полку у двери.

Юлия предупредила, что родственники забрали одежду для похорон и часть фотографий, а найденные документы она уже вывезла. Остальные вещи почти не трогали. Настасья Петровна попросила Юлию самой показывать, что можно смотреть: устраивать обыск мы не собирались.

Юлия кивнула, но осталась между нами и дверью в спальню.

В передней комнате стояли стол, диван и узкая кровать у стены. Покрывало было натянуто, подушка лежала поверх него. В шкафу остались две домашние кофты и запасное одеяло.

Последние недели Галина редко спала в кровати. По словам Юлии, она приходила утром, ложилась на диван часа на два и снова уходила. Постель не разбирала, потому что считала бессмысленным менять бельё после короткого сна.

В её голосе прозвучало раздражение, направленное не на нас. Юлия знала этот ответ матери и до сих пор с ним спорила.

На столе стояла кружка с треснувшей ручкой. В хлебнице лежали две запечатанные пачки сухарей. Холодильник Юлия разрешила открыть сама. На верхней полке оказались яйца с датой покупки за неделю до смерти Галины, почти полный пакет молока и банка супа.

Суп привезла Юлия, надеясь, что мать хотя бы разогреет готовую еду. По уровню варенья было видно, что Галина попробовала его один раз, после чего написала дочери, что всё очень вкусно. Юлия считала это способом прекратить расспросы.

На дверце холодильника висел магнит с номером пансиона. Под ним была записка: «Позвонить Юле днём». Слово «днём» Галина обвела, но возле телефона не стояло ни одной отметки о звонке.

Настасья Петровна осмотрела плиту и чайник. На конфорке не осталось следов недавней готовки. Внутри чайника белела плотная полоса накипи, а выше металл был почти чистым.

Настасья Петровна определила, что чайник часто включали ради одной кружки и давно не чистили. Юлия возразила: мать терпеть не могла накипь. Значит, в последние недели ей не хватало времени или сил. Юлия сняла крышку, провела пальцем по белому краю и вспомнила, как уговаривала купить электрический чайник.

— Этот быстрее только доводит человека до желания купить новый, — сказала Олеся.

Юлия впервые за утро улыбнулась, но сразу отвернулась к окну.

Мы не нашли признаков того, что Галина проводила дома целые выходные. Продукты оставались почти нетронутыми, постель не разбирали, а на столе не было ни одной свежей газеты за последние недели. Зато у задней двери стояли две пары рабочей обуви. Одна —

закрытые туфли с мягкой подошвой. Вторая — резиновые полуботинки с засохшей землёй у швов.

Юлия узнала обувь из теплицы и объяснила, что ещё одна сменная пара оставалась в пансионе. Домой Галина приезжала в одних туфлях, а уезжала в других, если обувь промокала после полива.

Под вешалкой висела широкая сумка через плечо. На наружном кармане осталась тёмная полоса, будто сумку часто прижимали к окрашенному дереву. Зелёного блокнота внутри не было. Юлия сама вынула аптечку, очки и сложенный пакет для обуви. Передавать вещи нам она не стала, и мы не просили.

Юлия открыла нижний ящик кухонного стола. Там лежали садовые карандаши, моток шпагата и резинки для денежных пачек. Она перебрала всё сама, затем вынула пустой чехол с зелёной застёжкой.

Юлия объяснила, что зелёный блокнот помещался в этот чехол. Галина клала его в сумку, чтобы земля не попадала между страницами. На внутренней стороне маркером было написано: «Не забудь температуру». Саму сумку вернули из пансиона уже без чехла; его Юлия нашла дома после похорон.

Я сфотографировала чехол, но не стала брать его в руки. Отсутствие блокнота само по себе ничего не доказывало. Зато становилось ясно, что Галина вела записи отдельно и берегла их от воды и земли.

Рядом с дверью висел отрывной календарь. Последний листок показывал тридцатое июня, день перед смертью Галины. Под календарём на обоях виднелись карандашные записи.

Я присела, чтобы прочитать их. Напротив нескольких дат стояли пары времени: «22:40 — 01:15», «23:10 — 02:05», «21:50 — 00:30». Названия места не было. Возле двух строк Галина нарисовала маленький лист.

Юлия узнала почерк, но значения времени не поняла. Олеся предположила, что Галина записывала часы сна. Юлия ответила, что в таком случае мать спала по расписанию между автобусами.

Я сверила даты с официальным графиком. Две записи приходились на выходные. Третья стояла рядом с днём, когда у Галины была дневная смена, закончившаяся в восемь вечера.

— Это может быть время приезда домой и отъезда, — сказала я. — Но пока только может. Юлия сразу выпрямилась.

— Не надо превращать каждую цифру в доказательство переработки.

— Не буду. Сначала найдём, что происходило в эти часы.

Она посмотрела на лист с графиком и положила его на стол лицевой стороной вниз.

— Мама могла ездить к знакомой. Могла ходить в огород. Она не отчитывалась передо мной за каждый вечер.

— Поэтому и проверим маршрут, а не будем спорить.

Настасья Петровна провела пальцем над записями, не касаясь обоев.

— Лист рядом с двумя датами похож на её пометки в письме?

Я открыла снимок письма. Там возле строки о лекарствах стоял такой же знак, но он мог обозначать теплицу, растение или простое напоминание. Мы не стали выбирать удобный смысл.

Юлия разрешила сфотографировать стену. Я сняла записи вместе с календарём, чтобы сохранить привязку к датам. Потом мы вернули стол на место и прошли к задней двери.

Защёлка была старая, но крепкая. Настасья Петровна закрыла её, потянула дверь на себя и проверила петли. Полотно не двигалось.

— Мама часто оставляла её неплотно, — сказала Юлия. — Возвращалась усталая, толкала ногой и забывала защёлкнуть.

— Возможно, — ответила Настасья Петровна. — Сейчас дверь закрыта правильно.

Она попросила нас отойти. Через минуту защёлка щёлкнула сама, и дверь отошла от косяка на ширину ладони.

Юлия устало вздохнула.

— Вот так и было. Я приезжала, а она ругалась на дверь.

Настасья Петровна снова закрыла её и осмотрела металлический язычок. Ржавчины в пазу не было. Петли не просели, порог лежал без перекоса.

— Может тянуть от окна, — сказала я.

— Проверь.

Я закрыла окно в кухне и дверь в переднюю комнату. Потом нашла старую районную газету, сложила лист пополам и поднесла к щели у косяка. Бумага почти не шевелилась.

— Сильный сквозняк, — заметила Олеся. — Ещё немного, и заголовок дрогнет.

Я открыла окно в сенях. Газета выгнулась, вырвалась из руки и полетела не в дом, а наружу. Она ударилась о порог, скользнула по ступеньке и зацепилась за край половика.

Олеся посмотрела на меня.

— Дом высказался о районных новостях.

— Газета показала направление воздуха.

— И отношение к печати.

Пока я поднимала лист, Настасья Петровна снова закрыла дверь. При открытом окне бумагу действительно тянуло наружу, но защёлка не сдвигалась. Мы повторили проверку дважды. Дверь оставалась закрытой.

— Сквозняк не открывает её, — сказала Настасья Петровна. — Дерево не разбухло, петли исправны. Причины пока не вижу.

— Значит, мама просто не защёлкивала, — ответила Юлия. — Зачем искать другое объяснение?

— Не ищем. Проверяем то, что повторяется.

Юлия поправила половик носком. В этот момент защёлка снова щёлкнула. Дверь открылась и остановилась напротив тропы, которая шла от заднего двора к старой дороге.

На пороге стояли рабочие туфли Галины. Домашние тапочки лежали в передних сенях.

Я вышла первой. Тропа начиналась сразу за сараем и не вела ни к огороду, ни к колодцу. За покосившимся забором она соединялась с дорогой, по которой раньше возили отдыхающих в санаторий.

На сырой стороне косяка сохранился след подошвы. Галина, видимо, придерживала дверь ногой, когда входила с занятыми руками. Чуть выше тянулась тёмная полоса. Сумка с таким следом висела в сенях.

— Это могло остаться давно, — сказала Юлия.

— Могло, — согласилась я. — Поэтому смотрим дальше.

Настасья Петровна приложила край сумки к полосе, не прижимая ткань. Высота совпала. Это подтверждало привычку входить через заднюю дверь, но не время и не причину возвращений.

Тропа была утоптана лучше, чем дорожка к огороду. После месяца жары отдельные следы не сохранились. У старой дороги рос куст шиповника. На ветке висела короткая синтетическая нитка того же серого цвета, что и ремень рабочей сумки. Юлия разрешила сфотографировать, но снимать нитку запретила.

— Всё остаётся на месте, — напредила она.

— Мы договорились.

Юлия внимательно следила за каждым моим движением: дом принадлежал семье, а не нашему расследованию.

От поворота открывался участок дороги длиной метров сто. Машина могла подъехать со стороны пансионата, остановиться у обочины и уехать, не заезжая в деревню. До главной остановки отсюда было далеко, зато служебному транспорту путь сокращался почти вдвое.

— Мама иногда говорила, что её заберут у старой дороги, — вспомнила Юлия. — Я считала, так удобнее утром.

— И ночью? — спросила Олеся.

— Про ночь не говорила.

С соседнего участка нас окликнула женщина в широкой соломенной шляпе. Она несла ведро с сорванными огурцами и сразу узнала Юлию.

— Дом разбираете?

— Пока смотрим вещи, тётя Нина.

Соседка поставила ведро у забора и оглядела нас.

— Я ничего не брала. После похорон даже калитку не открывала.

— Мы не про это, — сказала Юлия. — Вы видели, как мама уезжала с задней дороги?

Тётя Нина ответила, что белый микроавтобус приезжал часто. Потом добавила, что пансионат теперь наверняка будет говорить о добровольной подработке, чтобы не платить семье. Юлия сжала губы.

Я попросила начать с машины, без выводов.

— Белая, с серой полосой снизу, — сказала соседка. — Останавливалась вон там, у шиповника. Галина выходила с сумкой и садилась через боковую дверь.

— Вы видели водителя?

— Мужчина. Или женщина в кепке. Издалека не разберёшь.

— В какие дни?

— Да откуда я помню числа? Летом все дни одинаковые.

— С чем можно связать хотя бы один приезд?

Тётя Нина задумалась. Первый раз машина приезжала вечером, когда по улице меняли газовые баллоны. Она ругалась с водителем газовой, потому что ей привезли баллон с ржавой ручкой. Второй раз — в день, когда почтальонка принесла заказное письмо соседу и долго искала его дом. Третий приезд она запомнила особенно: микроавтобус забрал Галину накануне того утра, когда из пансионата позвонили Юлии.

— Во сколько? — спросила я.

— После десяти. Я уже закрывала теплицу.

— У вас есть календарь доставки газа?

— На холодильнике. Я всё отмечаю, иначе они привезут мне два баллона и докажут, что так и было.

Она ушла в дом и вернулась с небольшим настенным календарём. На двенадцатом июня стояла запись: «Газ, один баллон». Восемнадцатого — «заказное Семёновым». На тридцатом Нина написала: «Белая машина к Гале, 22:20».

Юлия смотрела на последнюю строку, не моргая.

— Почему вы мне не сказали?

— Я думала, ты знаешь. Она же на работу уехала.

— У неё был выходной.

— Галина говорила, что на пару часов. У них человек не вышел.

Это уже было не предположение о маршруте. Соседка слышала объяснение самой Галины, хотя дата нуждалась в независимой проверке.

Я сфотографировала календарь с разрешения Нины и попросила повторить точные слова.

— «Заберут на пару часов, у них опять некому выйти», — сказала она. — Я ещё спросила, зачем ехать ночью. Она ответила: «Утром вернусь».

— Вернулась?

Нина посмотрела на Юлию и покачала головой.

После этого она снова заговорила о компенсации и о том, что пансион обязан отвечать. Я остановила её, потому что домыслы уже смешивались с памятью.

— Нам нужны только машина, время и слова Галины.

— А остальное вам неинтересно?

— Остальное сначала надо подтвердить.

Тётя Нина обиделась, но всё же вспомнила ещё одну деталь. В другие вечера микроавтобус ждал у дороги пять минут. Тридцатого июня Галина выбежала почти сразу, будто звонок поступил заранее. Рабочая сумка была уже собрана.

Когда соседка ушла, Юлия присела на низкую скамью возле сарая. Олеся села рядом, не пытаясь её утешать словами.

— Я в тот вечер звонила, — сказала Юлия. — Она не ответила. Утром написала, что уснула.

— Возможно, не хотела, чтобы ты знала о смене, — сказала Олеся.

— Она всегда решала за меня, что мне лучше не знать.

Я не стала напоминать, что вчера Юлия сама защищала право матери не становиться символом. Сейчас важнее было другое: Галина скрывала от дочери не только усталость, но и ночные вызовы.

Мы вернулись в дом. Задняя дверь стояла открытой. Настасья Петровна закрыла её и поставила рабочие туфли так, как они стояли при нашем приходе.

Под календарём я сопоставила три даты с официальным графиком. Двенадцатое и восемнадцатое были выходными. Тридцатого июня Галина тоже не должна была работать. Следующая официальная смена начиналась утром первого июля, но из дома она уехала накануне после десяти.

— Получается третья смена подряд? — спросила Юлия.

— Пока получается ночной выезд перед официальной сменой, — ответила я. — Чтобы считать смены, нужны табели и время возвращений.

— Она не вернулась, — сказала Юлия.

В доме щёлкнула задняя защёлка. На этот раз никто не стоял рядом с дверью.

Я подошла и закрыла её. Газета всё ещё лежала у порога. Когда я приподняла половик, чтобы убрать завернувшийся под него край газеты, под плетением показался плотный бумажный угол.

Он торчал у самой двери, со стороны тропы. На влажной бумаге виднелась синяя цифра и часть зелёного рисунка.

Юлия остановила мою руку.

— Не вытаскивайте. Я сама.

Она присела у порога и взялась за край бумаги. За её спиной дверь снова начала отходить от косяка, открывая путь к старой дороге.

Глава 7. Семена по датам

Юлия вытянула из-под половика первый бумажный угол и сразу остановилась. К нему прилип второй пакетик, а под ним показался ещё один. Бумага отсырела у края, но середина оставалась плотной.

— Не трогайте пока, — сказала она. — Я сама достану всё.

Мы отошли от двери. Юлия приподняла половик двумя пальцами и вынула шесть маленьких пакетиков. Семена в них шуршали при каждом движении. На лицевой стороне были нарисованы цветы, а на обороте Галина писала даты и короткие пометки.

Задняя дверь открылась шире. Настасья Петровна подложила под находку картон и перенесла пакетики на кухонный стол.

— Это мамины, — сказала Юлия. — Она покупала такие на рынке. Потом пересыпала семена в банки.

— Почему оставила под половиком? — спросила Олеся.

— Может, выронила.

— Все шесть?

Юлия посмотрела на неё, и Олеся сразу добавила:

— Это вопрос. Не вывод.

Мы разложили пакетики так, чтобы они не касались друг друга. На первом читалось: «12.06, 22:40, плюс восемнадцать». Рядом Галина нарисовала лист. На втором сохранились дата «18.06» и время «23:10». Остальная строка расплылась.

На третьем уцелел штамп: «Тихая смена. Теплица». Такой же был ещё на двух пакетах.

— Семена обычные, — сказала Настасья Петровна, не открывая пакеты. — Бархатцы, календула, цинния. Искать тайный смысл в названии не будем.

— Я и не собиралась, — ответила я.

— У тебя лицо собиралось.

Олеся поднесла к окну пакет с календулой.

— Здесь что-то написано под штампом.

Юлия разрешила включить настольную лампу. Под косым светом проступили цифры: «02:05, плюс семнадцать». Рядом стоял тот же знак листа.

Я открыла фотографии стены под календарём. Время на пакетиках совпадало с двумя записями. В первой были указаны приезд в двадцать два сорок и отъезд в час пятнадцать, во второй — приезд в двадцать три десять и отъезд в два часа пять минут. Если пакетики относились к тем же дням, Галина приносила их после коротких ночных поездок или брала с собой перед выездом.

— Она могла записывать температуру во дворе, — сказала Юлия.

— Могла, — согласилась я. — Но на трёх пакетах стоит штамп теплицы пансионата.

— Их могли раздавать сотрудникам.

— Тогда проверим, когда и зачем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.